

Н. А. СЕЛУНСКАЯ

**«НОВОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ» – РУССКАЯ ИДЕЯ?
МЕДИЕВИСТИКА БИЦИЛЛИ, СРЕДНЕВЕКОВЫЕ
ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ И АКТУАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИИ**

Анализ авторской позиции и новаторства ранних работ П.М. Бицилли по социальной истории итальянского средневековья связан с интерпретацией идеи “Нового Средневековья”, выдвинутой представителями русской общественной мысли в эмиграции. Публикация Петра Михайловича Бицилли (1879–1953) по социальной истории итальянского средневековья в Журнале Министерства народного просвещения, которая вышла в год двух русских революций, целиком посвящена теме протеста, радикального общественного движения, и особое внимание в ней уделяется проблеме описания протестного движения современниками. Важна данная работа и с точки зрения возможности ре-актуализации пластов средневековой истории, и в плане методологического новаторства исследователя. Уже сто лет назад интересно и плодотворно решалась русской школой медиевистики проблема интерпретации средневековых нарративных исторических источников, проблема объективности и общих установок интерпретатора – современника или близкого потомка героев событий, описываемых в рассказе. Данная проблема является актуальной и научно значимой на любом этапе развития исторической науки. В данной работе анализируются как популярная идея «Нового Средневековья», так и особенности академической культуры, проблема медиевализма и достоверности нарратива, а также актуализация средневековья в кризисные моменты истории. Настоящее исследование также фокусирует начало интеллектуальной биографии российского историка и будущего эмигранта П.М. Бицилли, поскольку с этим интеллектуальным наследием вековой давности сопрягаются все указанные общие темы.

Ключевые слова: *медиевистика, источниковедение, «русская школа», Новое Средневековье, проблема «объективности», П.М. Бицилли, Н.А. Бердяев, Умберто Эко*

О чем писал историк-медиевист век назад, как работал и мыслил представитель классической гуманитарной науки накануне революционных изменений, полного переустройства привычного ему мира, как научного, академического мира, так и общественного? Какие идеи и понятия могли быть вынесены из этого опыта представителями интеллектуальной элиты, последними историками эпохи Империи, в мир послевоенной Европы, куда приводила их эмиграция?

На заре XX столетия историческая наука в России развивалась весьма успешно, и именно накануне революционных событий, и в самый 1917-й год, активность академического сообщества, в частности, историков-медиевистов, была весьма высокой. Кроме того, эта рафинированная академическая и университетская культура на закате Империи искала и находила точки соприкосновения с общественным запросом и интересом к истории. Тому есть множество примеров, но я хочу выделить лишь один, который кажется мне знаковым и особенно ярким: это

работа о социальных конфликтах и движениях средневековья, созданная историком-медиевистом П.М. Бицилли.

Анализ авторской позиции и новаторства работы П.М. Бицилли по социальной истории итальянского средневековья – часть моего проекта *Медиевисты эпохи «Нового Средневековья»*, направленного на изучение наследия и биографий исследователей средневековья в России начала XX в., положения и роли историков в эпоху кризиса и мировых войн (начиная с рубежа XIX–XX вв. и до 1930-х гг.).

Мировая война, которую современники назвали Великой – Первая мировая – это маркер эпохи политического и социального кризиса и переустройства, особых вызовов времени и откликов интеллектуалов эпохи. События и последствия Великой войны для многих современников и очевидцев социальных потрясений стали восприниматься как своего рода Новое Средневековье, в частности, такую мысль высказывал религиозный философ Н.А. Бердяев, который ввел данный концепт в употребление, публикуя свое «Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы» в Берлине в 1924 г.¹

Разумеется, сделал это философ в иной манере, чем известный итальянский интеллектуал Умберто Эко, который подошел к формулировке понятия «нового», как бы возвращающегося средневековья, работая на стыке науки и публицистики в 1970-е гг. Затем цикл публикаций Эко 1973–1976 гг. был переиздан с незначительными вставками в начале 2000-х гг.², что вновь обострило интерес к «Новому Средневековью», и понятие сохранилось в популярном дискурсе как узнаваемое.

Но для меня нет сомнений, что идея сопоставления современности и средневековья вызрела и у медиевистов – современников Бердяева, и среди специалистов-историков ее выразил именно П.М. Бицилли. Разумеется, оба свидетеля заката Российской империи, и Бердяев, и Бицилли интерпретировали идею Нового Средневековья различным образом. Более четко, в названии публикации, эта тема была сфокуси-

---

¹ Бердяев 1924: «Нет возврата ни к тому образу мыслей, ни к тому строю жизни, которые господствовали до мировой войны, до революции и потрясений, захвативших не только Россию, но и Европу, и весь мир, и видевшего в послевоенном времени знаковую веху, смену эпох, переход от рационализма новой истории к иррационализму или сверхнационализму средневекового типа». «И замечательно, что этот конец старого мира и народжение нового одним представляется "революцией", другим же представляется "реакцией". "Революционность" и "реакционность" так сейчас перепутались, что потерялась всякая отчетливость в употреблении этих терминов. Эпоху нашу я условно обозначаю как конец новой истории и начало *нового средневековья*». Существует также и сетевая версия этой работы (http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1924_21.html), которая воспроизводит текст в первом постсоветском издании сочинений Бердяева в 2-х томах (Бердяев 1994).

² Эко, Colombo 1973; Эко 2003.

рована Бицилли уже в эмиграции и несколько позже, чем это сделал Бердяев. Философ подвел общий итог рассуждениям о послевоенных судьбах России и Европы в 1920-е, а историк сформулировал особенно-сти своей концепции Нового Средневековья в доступном для широкой читающей публики виде только в 1930-е годы³.

Однако при внимательном изучении творчества Бицилли более раннего периода возникает сложный образ представлений о переключке времен и эпох, актуализации пластов социальной культуры прошлого и опасности вульгаризации и модернизации при интерпретации. На мой взгляд, правомерно выделить как особую проблему исторических исследований специфику работы академических историков, изучавших социальные катаклизмы прошлого, и одновременно, бывших свидетелями революционной поры. Есть все основания подчеркнуть значение таких работ: как их ключевой роли в интеллектуальной биографии ученого – очевидца трагических перемен, так и для понимания историко-культурного контекста эпохи. Ведь профессиональный взгляд историка должен был отметить нечто особенное в натяжении еще не порвавшейся ткани повседневности, а в научных штудиях прошлого должна была прорываться эмоциональная нота современности. По крайней мере, правомерно поставить вопрос о том, был ли конструкт «Нового Средневековья» схемой, рожденной в публицистическом поле и после вынужденного расставания с Россией, или же накануне крушения Империи историк интуитивно чувствовал себя свидетелем наступающего Нового средневековья? И пытался ли он в своей профессиональной деятельности донести эту идею актуализации Средневековья до читателей и учеников? И если да, то какие именно аспекты им выделялись?

П.М. Бицилли – историк нелегкой судьбы, который в дальнейшем стал эмигрантом, видным представителем интеллектуального русского зарубежья, в начале века проходил период долгого и сложного ученичества и формирования исследовательской и преподавательской манеры. Этот период жизни и творчества ученого исследован несколько менее, чем вклад Бицилли в мировую историческую науку и литературоведение, который был им внесен за рубежами России, в период изгнания и обретения новой родины⁴. При всем том, покидая Россию достаточно зрелым, сформировавшимся человеком, Бицилли мог и должен

---

³ Бицилли 1932. Данная работа известна исследователям, прежде всего, историкам русского зарубежья, в частности по исследованиям М.А. Васильевой, и я не буду специально здесь на ней останавливаться.

⁴ Петр Михайлович Бицилли (1879–1953) – историк-итальянист и славист, а также литературовед и литературный критик, профессор Новороссийского и Софийского университетов. Значение его наследия анализируется как историками, так и филологами, литературоведами, и российскими, и зарубежными: Велева 2004; Васильева 2009; Каганович 1994; Ковалев 2004; Попова 2010; 2017.

был взять с собой и тратить именно символический капитал идей, доставшийся ему в прошлый период жизни, который стал и периодом социальных конфликтов, кризиса и падения Российской империи.

Один из последних учеников Бицилли в России, О.Л. Вайнштейн⁵ (1894–1980) станет известным исследователем средних веков в науке советского периода. То, что именно по учебнику Вайнштейна преподавали историю науки (историографию) в советских профильных вузах, сыграло важную роль в процессе формирования студентов-историков. В советской России также остался и медиевист И.М. Гревс, один из наставников Бицилли, из «семинария» которого вышла плеяда ученых, в т.ч. представители интеллектуальной части эмиграции. Таким образом, для отечественной школы исторической мысли, от «имперской» до «советской», Бицилли – недостающее звено в развитии, как это видится с одной из возможных точек зрения, но в другой интерпретации – именно этот «недостающий», почти забытый на годы элемент традиции исторической мысли, представитель дореволюционной школы явился важным представителем исторической мысли России в мире.

П.М. Бицилли до эмиграции не успел стать признанным авторитетом, не занял престижного места в академической иерархии, но прошел ученичество у виднейших историков и общался со своими сверстниками, европейски известными медиевистами: достаточно упомянуть такие имена как Л.П. Карсавин и В.Н. Забугин (последний рецензировал труды Бицилли на итальянском языке для европейского читателя). Будучи незначительно старше обоих коллег, Бицилли достиг статуса магистра несколько позже, с традициями Санкт-Петербургского университета и его научной школой кандидат соприкасался в основном при подготовке и защите диссертации, но по своей формации тяготел к другому образовательному центру: Бицилли получил образование в Новороссийском университете, преподавал в Одессе сам, из Одессы же эмигрировал на Балканы (Сербия и Болгария) в 1920 г., тем же путем, что и его старший коллега – византист и исследователь культуры средиземноморья Н.П. Кондаков, чья научная деятельность на начальном этапе также была связана с университетом в Одессе.

На первый взгляд, 1917 год не стал переломным в жизни и интеллектуальной биографии Бицилли: наиболее весомые публикации в период до эмиграции появились незадолго до и после этой даты, решение об эмиграции было принято позже. Таким образом, не год двух революций разделил жизнь ученого пополам, а скорее годы гражданской войны – ровно век назад. Однако именно в 1917 г. Бицилли опубликовал весьма любопытную работу под названием «Общественные движе-

---

⁵ Вольфцун, Галчева 2016.

ния в изображении средневековых историков»⁶, которая стала поводом для настоящего исследования. Примечательно, что заключение этой работы кажется прологом к изложению и звучит так: «Если мы узнаем в каком-либо комплексе явлений “революцию”, “реформацию”, “реакцию”, у нас невольно является склонность отыскивать в нем черты нам известных уже ранее “революций” и так далее. Но в средние века это делалось грубее и наивнее». Забегая вперед, скажем, что легко разобратся с той «наивностью» мог только блестяще подготовленный историк и латинист. Это была очень сложная источниковедческая работа.

Разумеется, статья Бицилли 1917 г. – строго научная публикация, свидетельствующая о высоком уровне корпоративной академической культуры в России. Тем не менее, очевидно, что, пусть и не в явной, лобовой манере, но для историков наступающего Нового Средневековья были важны исторические сравнения. Бицилли, медиевист и педагог, в 1917 г. проводит для себя самого и своего читателя яркие исторические параллели, актуализирует исторический материал, делает намеки и дает подсказки, которые на лету мог ловить читатель. Таким образом, в единый контекст, в общее поле зрения историка и его читателя этих лет, попадали и источники по истории средневековья, повествующие о социальных кризисах (о крестовом походе детей, возмущении простолюдинов от поборов на Крестовый поход) и о кризисе современной ученому социальной системы. (Илл.: см. *ниже*, с. 192-193).

Разумеется, опубликованная в 1917 г. работа, к великому сожалению, не привлекла в тот момент, да и позже, достойного внимания по многим причинам, именно по тем, по которым она интересной сегодня. Формат публикации, сам журнал, в котором она появилась, – знаковый и, можно сказать, уникальный. Журнал Министерства народного просвещения (далее ЖМНП) выходил со строгой периодичностью (раз в месяц) с 1834 по 1917 г. Даже по такому нейтральному, т.е. как бы неполитизированному образовательному периодическому изданию, как ЖМНП, можно понять в какой напряженной политической обстановке происходили публикации: на страницах журнала появляется манифест об отречении монарха, указы и распоряжения Временного правительства печатались тут же с пояснениями о причинах задержки очередного выпуска. Однако, журнал продолжал выходить.

Если вернуться к статье Бицилли, вышедшей в тот роковой год, то и она по многим причинам – знаковая. Тема, избранная начинающим

---

⁶ ЖМНП. Новая серия. ч.69. №5. 1917. С. 67-88. Не так давно, т.е. уже в новом столетии, статья была воспроизведена в новой орфографии (Бицилли. 2006) и диктует необходимость цитировать именно по этому изданию. Однако, сверка с оригиналом в ЖМНП необходима из-за некоторых неточностей в передаче латинского текста, в тех многочисленных выдержках из источников, которые приводил Бицилли.

ученым и преподавателем – очень специальная, манера изложения может быть понята на современном уровне междисциплинарных исторических исследований как «плотное описание». Этому плотному описанию соответствует, можно сказать, плотное цитирование. Большой объем латинских текстов введен в само тело статьи, и выбор цитат так же примечателен, как и формулировки комментариев.

Особенно ценна идея Бицилли, которая была сформулирована так: «Когда в Европе стала складываться общественная жизнь, когда начались общественные движения, регистраторы текущей действительности, хронисты, оказались в затруднительном положении. Их историческое понимание формировалось в условиях полной пассивности «народов»; в их поле зрения попадали долгое время только “князья” и святые с их подвигами и чудесами. Восстания в городских общинах, великие религиозно-общественные движения застали хронистов врасплох. Историческая жизнь предстала пред ними более сложной и многообразной, чем она казалась им до сих пор». Бицилли выдвигает немедленно такой тезис: «Прежнее историческое понимание более не годилось; оно *должно* было замениться новым. Средневековые историки не отдавали может быть себе отчета в этом; во всяком случае они не теоретизировали. Но приспособляться к новым задачам им все же пришлось»⁷.

Почему и как именно средневековые авторы это сделали? Историк, находившийся в России в начале эпохи гражданских войн и революций, надеялся пролить свет на смысл средневековых событий и способы рефлексии по поводу социальных столкновений путем разбора двух примеров общественных конфликтов, анализируя параллели сложных казусов и перекличку источников, упоминающих о сходных исторических событиях. Но не менее важна была для историка и свидетеля круциального момента истории перекличка исторических эпох и кризисов развития общества с теми, которые он вынужден был наблюдать. Приспосабливаться к новым обстоятельствам пришлось, как и другим современникам событий, и историкам Нового Средневековья.

Работа, опубликованная в 1917 г., кажется составной, в ней ясно угадываются очертания двух очерков-статей, которые отличаются по стилистике и даже манере оформления (латинские цитаты в теле статьи в начале работы, но в сносках внизу страницы во второй части). Первый пример или конструируемый казус – это средневековая Пьяченца после 1000 года и происходившая в городе борьба пеших и конных, т.е. рыцарей и простолюдинов.

Пространные цитаты при разборе авторской позиции Бицилли совершенно необходимы для отражения ритма и стиля его работы. Начинается работа со специализированной вводной относительно источни-

---

⁷ Бицилли 2006. С. 85.

ков, демонстрирующей отличное знакомство с находками европейской науки, но также и желание дать собственный взгляд на анализируемые исторические свидетельства и их специфику: «О событиях этого времени повествуется в так называемой гвельфской летописи, автор которой по характеристике Пертца (предисл. к изд. *Annales Placent. Guelf* в MGSS, XVII) был прекрасно осведомлен о событиях, ему современных (XIII в.), раннюю же часть своего повествования заимствовал из не дошедшей до нас старой городской летописи (1012–1194)». Сейчас же у Бицилли проявляется важный штрих-наблюдение: «Собственно и эту раннюю часть, где помещен рассказ об интересующих меня событиях (1090 г.), можно разбить на две части. С 1154 г. летописные заметки становятся подробнее, переходят подчас в обстоятельные рассказы. До 54 г. на каждый год приходится одна-две строчки; нередко такие заметки: 1085 – «был сильный голод»; 1091 – «Пьяченца горела в св. Субботу». Однако, согласно анализу Бицилли: «Повествование о событиях 1090 г. составляет явное исключение: оно изобилует подробностями, но лишено литературных прикрас и некоторого пафоса»⁸.

Не лишен литературных достоинств и яркий перевод Бицилли строк средневековых хронистов, задача построения захватывающего нарратива, поиска *fiction in the archives* выполнена прекрасно, несмотря на тяжеловесность текста оригинала. Перевод-пересказ истории таков:

«В феврале месяце 1090 года между народом и рыцарями Пьяченцы вспыхнула великая распря вследствие драки, происшедшей в это время на пустыре между церковью Св. Марии Храмовой и дорогой, ведущей к замку. *Случилось ненароком*, что некий рыцарь с явным перевесом сражался с неким пешим, так что они не могли расцепиться. Простолудины, наблюдавшие за этой борьбой, заметили, что пехотинец не может сопротивляться рыцарю, и стали бросать в последнего камни и грязь. Бывшие там рыцари, в свою очередь, избили и отхлестали пехотинца. Поднялся всеобщий переполох, все городские рыцари собрались в одном месте, а пешие – в другом, и между ними завязался жестокий бой...»⁹.

С небольшими паузами, во время которых читатель не успевает переводить дух, Бицилли продолжает рассказ-цитирование: «На следующий день арена борьбы была перенесена за город». Однако вскоре, он поясняет, что по мнению хрониста, борьба, начавшаяся столь немотивированно, столь же немотивированно и окончилась: «после рья

---

⁸ Бицилли 2006. С. 85.

⁹ Там же. С. 86. Бицилли оговаривается здесь: «Начало повествования я приведу в подлиннике» Приведем и мы этот зачин текста источника, хотя бы первые строки: “*Millesimo nonagesimo de mense Februarii sedicio magna orta est inter populum et milites Plac., occasione pugne que eo tempore fiebat in terra vacua que erat inter ecclesiam S. Marie de Templo*”. Однако, не надо думать, что Бицилли недостаточно полно знакомит читателя со средневековым источником: и далее перевод постоянно сопровождается оригиналом, просто авторский перевод предшествует латинской цитате.

перипетий: случилось по Божьему изволению, что внезапно обе стороны устыдились и ощутили раскаяние, и, с плачем и восклицаниями: Рах! Рах! рыцари и воины стали обниматься и целоваться. Это происходило в Пьяченце, как сказано, в 1090 году». Тут же следует замечание медиевиста: «А в 1040 г. точно таким же образом началась социальная борьба в соседнем Милане»¹⁰.

Далее Бицилли приводит цитаты, характеризующие повествования двух хронистов – Арнульфа и Ландульфа, которые писали независимо друг от друга, но имели черты сходства и между собой, и с рассказом, составленным анонимным хронистом Пьяченцы. Бицилли подчеркивает особенность позиции одного из хронистов:

«Ландульф не говорит о поводе столкновения, зато указывает на его причину: угнетенное положение народа. Вследствие этого случилось, что во всех частях города капитаны и вальвассоры взяли над народом верх и бесчеловечно расправлялись с его представителями. Но народ, по обыкновению немилосердно разгневанный, *пожелал скорее умереть, чем жить без чести*, и, считая, что лучше умереть, чем влачить долгую жизнь в позоре, взялся за оружие и повсеместно стал громить рыцарей. Наконец, капитаны и вальвассоры, убедившись, что не могут справиться с народом в городе, посчитали, что им удастся одолеть и победить народ не мечом, а с помощью голода и многих лишений, осадив его со всех сторон, чтобы вернуть в прежнее рабство, поэтому они тайно и единодушно покинули город...» (Landulfi historia mediolanensis, MGSS, VIII, 63)»¹¹.

Далее Бицилли делает очень незначительный перерыв в плотном цитировании источника для следующей ремарки:

«Читатель, конечно, уже заметил, как много точек соприкосновения между рассказами Арнульфа и Ландульфа о миланских событиях и рассказом анонима о пьячентинских. На первый взгляд, в особенности в том, что касается фактической стороны, в этом нет ничего такого, о чем стоило бы говорить. В аналогичных условиях коммунальной жизни столкновения классов и партий могли возникать и протекать аналогичным же образом»¹².

Однако допустить, что события происходят во всех случаях, описываемых хронистами, здравый смысл исследователя принять отказывается, и Бицилли постулирует, что здесь таится общая тенденция или схема, которую можно выявить при сопоставлении частных трех рассказов, что он и делает вместе со своим читателем¹³. Простую идею принять за выдумку пропускающую схему ученый отвергает.

Без замедления дается еще один ряд важных рассуждений Бицилли: «При наличности обостренных отношений между “конными” и “пешими” отдельные, индивидуальные столкновения были, надо думать,

¹⁰ Бицилли 2006. С. 86.

¹¹ Там же. С. 87.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 88-89.

делом обычным и в некоторых случаях легко могли развиться до размеров общесословной распри. В тесноте «соседской» жизни всякий сор обязательно выносился из избы, всякая домашняя неурядица затрагивала «родных» и «соседей», т. е. весь город, и в рассказе о пьячентинском или миланском рыцаре, избивавшем пьячентинского или миланского пехотинца, столь же неосновательно видеть а priori “легенду, порожденную склонностью драматизировать исторический процесс”, как и в рассказе о столкновении Буондельмонти и Амидеи, – столкновении, имевшем, по общему убеждению современников, значение “причины” раскола флорентинцев на гибеллинов и гвельфов»¹⁴. Здесь мы видим явную отсылку ученика к творчеству одного из своих учителей, а именно к работе Гревса¹⁵ (заметим, что отношения этой пары мастер-ученик были очень сложными, сочетавшими притяжение и отторжение).

Бицилли делает кардинальный вывод исследования, предвзято его любопытным суждением: «Но, с другой стороны, не менее верно и то, что если об одном и том же факте люди обыкновенно рассказывают разное (при условии их независимости друг от друга), то тем более мы должны ожидать встречи со значительными расхождениями там, где налицо несколько сообщений о различных аналогичных фактах». Таков предварительный итог выкладок интерпретатора-медиевиста.

Затем Бицилли формулирует важную для понимания дальнейшего мысль, которая лишь выглядит как отступление от текстуального анализа и интерпретации источника, но, на самом деле, автор именно здесь переходит в наступление и выводит интерпретацию на новый уровень путем сравнения исторического нарратива и произведения искусства:

«Художественная критика знает примеры произведений искусства, например, живописи, относительно которых возникают сомнения: принадлежат ли они кисти мастера или его “школы”. Ученик зачастую так точно воспроизводит “манеру” мастера, что по внешним признакам (колорит, рисунок, способ накладывать краски, мотив, типы и проч.) ни о чем судить нельзя. Остается только один критерий: органичности художественного произведения. Подражатель непременно выдаст себя наличием “белых” мест, отсутствием внутренней согласованности, что, как следствие, влечет за собою утрировку приемов того, кому он подражает; ибо этим подражатель как бы инстинктивно стремится сделать для чужих глаз незаметным свое бессилие возвыситься до усвоения художественной идеи своего образца»¹⁶.

Этим пассажем Бицилли предвосхищает, как мне кажется, свои будущие известные труды в качестве художественного литературного критика. Кроме того, изложенное выше – яркое свидетельство высокого уровня исследований, которого достигла отечественная историческая

---

¹⁴ Бицилли 2006. С. 87.

¹⁵ Гревс 1925.

¹⁶ Бицилли 2006. С. 91.

школа накануне революционных событий. Уже сто лет назад интересно и плодотворно решалась русской школой историографии и медиэвистики проблема интерпретации средневековых нарративных исторических источников, т.е. проблема объективности и общих установок интерпретатора-современника или близкого потомка, лиц и событий, описываемых в рассказе. Проблема анализа подлинности является актуальной в исторической науке постоянно (помимо того, что и сейчас вызывает сложности у берущихся работать с темой «объективности» и «фальсификации», анализируя особенности нарратива).

В определенный момент, после общего теоретического посыла, Бицилли возвращается к своему средневековому сюжету:

«Повторяю, что если мы допускаем зависимость анонима, автора анналов Пьяченцы (А.Р. – у Бицилли) от хроники Ландульфа, то у нас нет никаких оснований отрицать такую же их зависимость от Арнульфа. Но тем самым, что мы предполагаем эту двойную зависимость, вероятность нашего предположения возрастает: именно то, что схема, которую мы старались вскрыть из анализа трех отрывков трех хронистов, оказывается у двух налицо в частях, а у третьего в целом, является решающим доводом в пользу предположения, что у двух первых она находится *in statu nascendi*, третий же воспользовался ею в готовом виде».

И Бицилли сразу делает вывод по поводу достоверности нарративов:

«Другими словами, не служит ли наблюденная особенность показателем того, что Арнульфу и Ландульфу их схема была отчасти дана самим ходом событий, между тем как пьячентинский аноним располагал факты, которые ему были известны, по чужой, внешней по отношению к ним, схеме? Но если это верно, то мы не можем не пойти и дальше и должны будем предположить, что и там, где совпадения у А. и Л., с одной стороны, и А.Р. – с другой, такого рода, что сами по себе не вызывают подозрений (“сецессия” рыцарей, блокада ими города), все же всего вероятнее эти совпадения объясняются тем, что автор А.Р. дополнял свои сведения в угоду схеме сообщениями из своих источников, приспособленными им к своему повествованию»¹⁷.

В этом месте изложения позиции средневековых создателей хроник, Бицилли объявляет, что пора прийти к окончательному выводу. По его мнению, «анализируемое место пьячентинских анналов стоит... совершенно особняком. Это – очевидно позднейшая вставка в летопись. На ее месте в первоначальной городской летописи, вероятно, читалось летописно-сжатое сообщение о столкновении рыцарей и “пеших”»¹⁸.

Таким образом, речь идет не о намеренном искажении истории, но об использовании схем, готовых топосов, что являлось вполне легитимной практикой средневековых хронистов, искажение и дополнение делалось по эстетическим соображениям, а не из-за особой идеологической заинтересованности или с практической целью. Тем не менее,

¹⁷ Бицилли 2006. С. 91.

¹⁸ Там же.

многоступенчатая платформа фиктивного нарратива средневековым анонимом, ответственным за переписывание анналов, создавалась.

Не менее интересен, хотя и еще более труден в изложении второй составной блок работы Бицилли 1917 года. Отметим, что в основе второй части рассуждений т.н. *мятеж «пастушков»*, события, случившиеся в 1251 г. Этот еще более сложный, чем первый казус, конструируемый Бицилли, еще больше переключается с темой современного автору социального переворота и вовлеченности в него молодежи. Сам автор публикации поясняет переход от одного сюжета к другому таким образом: «в изложении выше мы имеем пример влияния литературной схемы повествования об общественном движении». Итак, пишет Бицилли: «Следующий пример относится к иному типу случаев: влияния схемы, выработанной общественным мнением»¹⁹. Сразу же, как и должен сделать толковый педагог, Бицилли дает краткую вводную о том, что представляет собой летописная традиция и какие именно источники свидетельствуют о т.н. движении *пастушков* (*pastoureaux*).

«Среди нескольких хронистов, писавших об этом движении, трое дают наиболее обстоятельные сообщения: это – Примат, Гильом из Нанжи, для которого Примат служил главным источником, и в особенности Матвей Парижский. По их рассказам, в общем совпадающим, движение представляется в следующем виде: появились в 1251 г. какие-то «злые обманщики народа»²⁰ (*aucuns mauges deceveurs du peuple*, Р.; *quidam latronum principes* (некие главаря разбойников), которые «уверяли, что имели видение Девы Марии, которая послала их проповедывать крестовый поход простым людям»²¹. «К ним стеклось множество пастухов, которые бросали свои стада и, не спросив родителей, следовали за вождями похода»²². Бесчисленная толпа их шла со знаменами, на которых изображалось чудо, вызвавшее проповедь похода («содержание этих видений они изображали в картинах, которыми украшали знамена и несли их перед собой»).

Весьма примечательна подмеченная историком наглядность лозунгов и пропаганды идеи движения, доступная эмблематика как мобилирующий фактор, но главный акцент в описании – достигнутая массовость движения, которая превращает особую спорную форму выражения религиозности почти что в революцию. Задумываясь о распростра-

---

¹⁹ Бицилли. 2006. С. 92.

²⁰ Бицилли. 2006. Там же.

²¹ «Их простоте и смирению Святую Землю, ибо Богу не угодна воинская гордыня французов. Он хвалился, что имеет грамоту и поручение от Пресв. Девы». Бицилли. 2006. С. 93.

²² *Laquele erreur desloable prist... mauves accroissement; car les pasteurs laissoient les bestes es partis, et s'en aloient sans saluer pere ne mere* (Это прискорбное заблуждение получило... дурное продолжение; ибо пастухи уходили... не попрощавшись ни с отцом, ни с матерью. И сколько бы пастухов он ни призывал к себе, оставляя стада, коров и лошадей, они следовали за ним, не слушая господ и родителей). – Бицилли. 2006. С. 93.

ненном названии участников движения, вникая в этимологию, Бицилли начинает сопоставлять это движение с детскими крестовыми походами. Он приходит к выводу, что некоторые общественные стереотипы мешали даже прямым очевидцам событий описывать их более адекватно, не прибегая к схемам восприятия, которые возникли раньше, под влиянием детского крестового похода 1212 года. В «пастушках» хотели видеть таких же чистых детей, не успевших проститься с отцом и матерью, затем подпавших под влияние злых людей, хотя с самого начала и до конца движение сохраняло совсем другой характер: агрессивный и антиклерикальный. Здесь среди рассуждений Бицилли ярко выделяется высказывание: «когда мы узнаем в каком-либо комплексе явлений “революцию”, “реформацию”, “реакцию”, у нас невольно является склонность отыскивать в нем черты нам известных уже ранее “революций” и так далее»²³. Сам Бицилли также следует этой логике источника и сопоставляет несколько радикальных религиозных движений.

Итак, мы имеем дело с филигранной работой текстолога, озабоченного поиском общих мест и пересечений тестов (своеобразных «мемов») хронистики и анналистики), а также принципов создания средневековых нарративов). Образ социальной борьбы в городе и религиозных движений и ересей привлекал ряд исследователей этого времени и в России (Гревс, Карсавин), и в Италии (Вольпе и Каджезе), но это конкретное, свежее и оригинальное для своего времени, исследование, в сущности вполне может быть использовано и сейчас – не как свидетельство этапа развития науки, но как пособие для занятий студентов.

Образ средневековья с акцентом социальной борьбы, который, явно намекал на актуальные, современные социальные бури, слишком детален и привязан к историческим источникам, и поэтому не смог сам по себе стать популярным у читающей публики, отделиться от исследовательской практики. Однако этот образ связан с наступавшим Новым Средневековьем не менее, чем образ, созданный Бердяевым и закрепившийся за ним. Можно сказать, что специалист-историк высказывался на ту же тему, что и философ-проповедник идеологемы Нового средневековья, но оттеняя эту мысль особым образом. Медиевист обращался к конкретным *подобранным историческим примерам* и препарировал идею и образ средневековых социальных переворотов и общественных движений иначе, чем философ, богослов или романтик.

Именно в силу понимания исторической конкретики, образ Нового Средневековья, отчеканенный медиевистом, не мог стать распространенным стереотипом, употребимым штампом. Примечательно, однако то, что в конце прошлого века, как и в период между мировыми войнами, идея «Нового Средневековья» звучала и была в интеллекту-

²³ Бицилли 2006. С. 100, 106.

альной моде. Вернее всего будет не спорить об авторстве концепта, а, вслед за Бицилли, постулировавшим общие литературные схемы или влияние общественного мнения на различных авторов средневековых текстов, увидеть и во взглядах, излагаемых Бицилли и Бердяевым некую общую схему – модель, вынесенную ими из общей для них интеллектуальной среды Серебряного века России – в эмиграцию.

Думается, то же самое утверждение, что касалось практики взаимных заимствований и обращения к общим образам восприятия истории, применимо и к творчеству создателей концепции Нового средневековья. Появился бродячий сюжет, мем, который воспроизводился и развивался разными интерпретаторами. Сам автор публикации 1917 года пояснял переход от одного сюжета к другому таким образом: «в изложенном выше мы имеем пример влияния литературной схемы повествования об общественном движении». Далее Бицилли указал: «Следующий пример относится к иному типу случаев: влияния схемы, выработанной общественным мнением»²⁴. Точно так же два мыслителя, историк и философ, сформировавшиеся в России Серебряного века и развивавшие свои идеи в изгнании после революции, пользуются некоторой общей образной основой, отражают и транслируют мнение своей среды, по-разному интерпретируя одно и то же понятие – Новое средневековье. Можно сказать, что данное представление не было лишено и литературной основы. Как справедливо указал Бицилли в заключение своей работы 1917 года, «многообразие феноменов “исторической жизни” мы в состоянии обнять, лишь бессознательно упрощая воспринимаемое, причем обычным путем является узнавание в “новом” “старого”, подведение данного материала под уже готовые “рубрики”, что неизбежно влечет за собою подчинение в нашем сознании этого материала готовым схемам»²⁵ (что мы и видим на примере историографии позднего средневековья в прекрасном разборе Бицилли).

Тема реактуализации средневековья в раннем произведении Бицилли, думается, проступает достаточно четко и ярко, и во многом предвосхищает более общее осмысление той же проблемы Нового средневековья, сформулированное и высказанное Бицилли в зрелые годы, в период эмиграции. То, о чем писал историк-медиевист столетие назад, думается, осталось актуальным и для Европы, и для самой России: как в смысле практики чтения средневековых источников и их интерпретации, так и в более широком теоретическом аспекте – с точки зрения определения средневековой культуры и форм «самопрезентации» средневековья в изложении историков той эпохи и историков новейшего времени, в плане переключки образов эпох в сознании.

---

²⁴ Бицилли. 2006. С. 92.

²⁵ Бицилли. 2006. С. 105.

Илл. 1

Илл. 2

Илл. 3

Илл. 4

Илл. 5

Илл. 1-4. Плакаты и открытки 1917 года.

Илл. 5. Вид итальянского города Пьяченцы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. / [вступ. ст., сост., примеч. Р.А. Гальцевой]. М.: Искусство; ИЧП "Лига". (Русские философы XX века). [Т.] 1. 1994. 411 с.
- Бердяев Н.А. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. Берлин: Обелиск, 1924. 142 с.
- Бердяев Н.А. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы // Новое Средневековье. http://krotov.info/library/02_b/berdyaev/1924_21.html
- Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории России и Запада. М.: Языки славянских культур, 2006 г. 808 с.
- Бицилли П.М. Проблема нового средневековья // Новый град. №2. 1932.
- Бицилли П.М. Общественные движения в изображении средневековых историков // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. 69. № 5. 1917. С. 67-88.

- Васильева М.А. "Проблематика индивидуальности" в трудах П. М. Бицилли: автореферат дисс. канд. филолог. наук. Москва: Изд-во Литературного института, 2009. 24 с.
- Велева М. Българската съдба на проф. П.М.Бицилли. София: Гутенберг, 2004. 163 с.
- Вольфшун Л., Галчева Т. Учитель и ученик. Отзыв П.М. Бицилли на сочинение О.Л. Вайнштейна // Средние века. 2016. Вып. 77 (3-4). С. 162-175.
- Гревс И. М. Крoвая свадьба Буондельмонте: жизнь итальянского города в XIII веке / И. М. Гревс. Л.: Брокгауз-Ефрон, 1925. 142 с.
- Каганович Б.С. П.М. Бицилли как историк культуры // Одиссей. Человек в истории. Образ "другого" в культуре. М.: Наука, 1994. С. 256-271.
- Ковалев М. В. Научно-исследовательская деятельность П.М. Бицилли в Болгарии (1924–1953 гг.). Санкт-Петербург: Нестор, 2004. 209 с.
- Попова Т.Н. Бициллиеведение – новый исследовательский ландшафт в историографии Украины: (к 130-летию со дня рождения П.М. Бицилли) // Історіографічні дослідження в Україні. Київ: НАН України. Ін-т історії України, 2010. С. 155-169.
- Попова Т.Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М.А., 2017. 456 с.
- Eco U., Colombo F. Documenti su il nuovo medioevo. Milano: Bompiani, 1973. 349 p.
- Eco U. Dalla periferia dell'impero: cronache da un nuovo medioevo. Milano: Bompiani, 2003. 359 p.

REFERENCES

- Berdyayev N.A. Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva [Tekst]: v 2 t. / Nikolay Berdyayev; [vstup. st., sost., primеч. R. A. Gal'tsevoy]. Moskva: Iskusstvo; Moskva: ICHP "Līga". (Russkiye filosofy XX veka). [T.] 1. 1994. 411 с.
- Berdyayev N.A. Novoye srednevekov'ye. Razmyshleniye o sud'be Rossii i Yevropy. Berlin: Obelisk, 1924. 142 с.
- Berdyayev N.A. Novoye srednevekov'ye. Razmyshleniye o sud'be Rossii i Yevropy // Novoye Srednevekov'ye. http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1924_21.html
- Bitsilli P.M. Izbrannyye trudy po srednevekovoy istorii Rossii i Zapada. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006 g. 808 s.
- Bitsilli P.M. Problema novogo srednevekov'ya // Novyy grad. №2. 1932.
- Bitsilli. P.M. Obshhestvenny'e dvizheniya v izobrazhenii srednevekovykh istorikov // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Novaya seriya. ch. 69. №5. 1917. S. 67-88.
- Eco U., Colombo F. Documenti su il nuovo medioevo. Milano: Bompiani, 1973. 349 p.
- Eco U. Dalla periferia dell'impero: cronache da un nuovo medioevo. Milano: Bompiani, 2003. 359 p.
- Greys I. M. Krovavaya svad'ba Buondel'monte: zhizn' ital'yanskogo goroda v XIII veke / I. M. Greys. L.: Brokgauz-Yefron, 1925. 142 с.
- Kaganovich B. S. P. M. Bitsilli kak istorik kul'tury // Odissey. Chelovek v isto-rii. Obraz "drugogo" v kul'ture. M.: Nauka, 1994. S. 256-271.
- Kovalev M.V. Nauchno-issledovatel'skaya deyatel'nost' P.M. Bitsilli v Bolgarii (1924–1953 gg.). Sankt-Peterburg: Nestor, 2004. 209 s.
- Popova T.N. Bitsilliyevedeniye - novyy issledovatel'skiy landshaft v istoriogra-fii Ukrainy: (k 130-letiyu so dnya rozhdeniya P. M. Bitsilli) // Історіографічні дослідження в Україні. Київ: НАН України. Ін-т історії України, 2010. S. 155-169.
- Popova T.N. ZHizneopisanie uchenogo-istorika na perekrestke istoriograficheskikh tradicij. Teoriya. Metodologiya. Praktika. Odessa: Bondarenko M.A., 2017. 456 s.
- Vasil'yeva M.A. "Problematika individual'nosti" v trudakh P.M. Bitsilli: avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk (10.01.08). Moskva: Izd-vo Literaturnogo instituta, 2009. 24 s.
- Veleva M. B'lgarskata s'dba na prof. P.M.Bitsilli. Sofiya: Gutenberg, 2004. 163 s.
- Vol'f'sun L., Galcheva T. Uchitel' i uchenik. Otzyv P.M. Bitsilli na sochineniye O.L. Vaynsh-teyna // Sredniye veka. 2016. Vyp. 77 (3-4). S. 162-175.

Селунская Надежда Андреевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; spesbona@mail.ru

Is “The New Middle Ages” - a Russian Idea? Bicilli’s *Medievistica*, medieval social movements and re-actualization of history

There are several topics under consideration in the article: philosophical concept, academic culture and social movements in the epoch of social conflicts in the early 20th century. The analysis of the early writings of the Italian historian Bicilli on the Italian medieval social history includes the interpretation of the idea- “The New Middle Ages”, which was also developed by the representatives of Russian Sociology in exile. The publication, issued in the year of two Russian revolutions in the “Journal of the Ministry of People’s Enlightenment”, written by P. M. Bicilli (1879–1953) on Italian social medieval history related to topic of radical social movement, which was of particular interest for contemporaries. Besides, this publication has a great methodological importance in the context of re-actualization of some phenomena from medieval history. One can find in this publication a new approach of the Italian historian to the problems, which were under discussion in Russian historiography some hundred year ago. The problem of interpretation of medieval sources, evaluation of the degree of objectivity of the interpreter-contemporary\or descendant of the actors, described in the historical narrative. This problem is still of particular importance for contemporary historical community as it was a hundred years ago, because it is difficult to establish “objectivity” or “falsification” in the content of narrative.

Keywords: Medieval History, source study, The New Middle Ages, problem of objectivity, P.M. Bicilli, N.A. Berdyaev, U. Eco

Nadezhda Selounskaya, PhD in History, senior research fellow, Institute of World History, Russian academy of Sciences; spesbona@mail.ru